

N.N. Bukharov

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DETECTIVE AGENCIES IN RUSSIA SINCE ANCIENT TIMES TILL THE END OF XVI-TH CENTURY

Nikolay Bukharov – Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: russkif@mail.ru.

The article deals with the formation and development of criminal detective agencies in Russia since the foundation of the Russian state till the end of the 16-th century and focuses on the development of powers and the role thereof in ensuring security of the state and individuals. The author examines a wide range of matters dealing with the development of criminal investigation in relevant agreements with Byzantium, in Russkaya Pravda, in Code of Law of Ivan III of Russia and touching upon the core of Ivan the Terrible reforms. The author concludes that it is impossible to ensure development and reinforcement of the state without strengthening law-enforcement bodies whereas organic functioning of the state cannot be guaranteed without finding the golden mean between the society, individuals and the state.

Keywords: criminal investigation; search; crimes detection; Ivan III of Russia; Ivan the Terrible; legal culture; Grand Duke; Code of Law; Razboinyi Prikaz (Detective Office in the 16-17-th centuries).

Н.Н. Бухаров

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVI ВЕКА

Николай Николаевич Бухаров – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: russkif@mail.ru.

Статья посвящена вопросам становления сыскных органов России с образования русского государства до конца 16 века, развитию их полномочий и роли в обеспечении безопасности государства и личности. Автором исследуются вопросы развития сыска в договорах с Византией, в Русской Правде, Судебнике Ивана III и суть реформ Ивана Грозного. Также автор приходит к выводу, что развитие и усиление государства невозможно без усиления правоохранительных органов, а органичное функционирование государства сложно представить без нахождения золотой середины между интересами общества, личности и государства.

Ключевые слова: сыск; розыск; раскрытие преступлений; Иван III; Иван Грозный; правовая культура; великий князь; Судебник; Разбойный приказ.

Процесс появления сыскных подразделений всегда связан с развитием преступности как самостоятельного явления и феномена. Данный тезис подтверждается сущностью сыскных подразделений, которая заключается, прежде всего, в организации противодействия преступлениям путем розыска и установления лица,

совершившего данное противоправное деяние. Преступления стали известны нашему государству на самых ранних этапах его развития. Уже в договорах князя Олега с Византией, в частности, заключенном в 911 году [2], фигурировало такое преступление, как убийство, за совершение которого назначалась определенная мера

ответственности. Если анализировать другие правовые памятники (договоры князя Игоря, Русскую Правду в ее различных редакциях, Псковскую и Новгородскую судные грамоты), то можно сказать, что древнерусскому законодателю, ориентировавшемуся, прежде всего, на особенности развития различных общественных отношений, уже в тот период был известен весьма широкий перечень преступных деяний.

Вместе с тем несмотря на указанный фактор, в период раннефеодального государства на Руси достаточно долгое время не существовало как специальных учреждений охраны правопорядка в целом, так и специализированных органов розыска преступников в частности [10. С. 8]. Многие авторы в качестве причин подобной ситуации указывают на такие факторы, как низкий уровень правовой культуры, недостаточное развитие экономики, низкий уровень преступности и некоторые иные факторы, негативно влиявшие на исследуемую сферу [3]. Не отрицая указанные факторы, мы, тем не менее, считаем, что они лишь дополняли уже сложившуюся ситуацию. Главным же фактором, на наш взгляд, в данном случае было отсутствие понимания у государства того факта, что преступление может угрожать кому-то еще, помимо лица, в отношении которого оно было совершено. Во многом из-за этого единым классифицирующим понятием для преступлений выступал такой термин, как «обида», явно персонифицировавший преступления до одного конкретного человека. Таким образом, государство в вопросах организации розыска преступников в рассматриваемый период использовало механизм родового строя. Данный механизм в части касающейся темы нашего исследования предполагал возложение обязанностей по розыску преступника на самого потерпевшего от преступления или же его родственников. Так, например, закрепляя ответственность за убийство, князь Олег в договоре с Византией указал, что лицо, совершившее убийство, подлежит двум видам наказания – смертной казни либо конфискации имущества. Выбор того или иного наказа-

ния при этом напрямую зависел от того, каким образом будет установлен преступник. В случае, если лицо скрылось с места совершения преступления, то «держим будет сотворивый убийство от ближних убиенаго да и убьют они его» [4]. То есть, иными словами, в случае сокрытия преступника с места преступления его розыск должны были осуществлять родственники убитого. Более того, указанные же лица были вправе совершить самосуд над найденным преступником.

Тем не менее, развитие правоохранительной системы было неизбежно, поэтому уже в первом крупном правовом акте нашего государства, а именно в Русской Правде порядок осуществления розыска преступников получил свою правовую привязку и соответствующую регламентацию. Так, в частности, были установлены две конкретные формы сыска – «свод» и «гонение по следу» [10. С. 10]. Прежде чем рассмотреть указанные методы сыска, отметим, что Русской Правдой впервые был предусмотрен так называемый «заклич», в современном понимании – институт заявления о преступлении. Без данного события розыск преступника начаться не мог. Заклучался «заклич» в публичном объявлении потерпевшим о преступлении в местах скопления народа, как правило, на рынке при совершении торгов.

Итак, говоря о способах сыска по Русской Правде, можем отметить, что оба указанных метода надлежало применять в случае, если злоумышленника не удавалось застать и схватить на месте преступления [1. С. 7–8]. «Гонение следа» заключалось в розыске преступника, скрывшегося с места происшествия, по оставленным следам. Законодатель того времени не безосновательно исходил из того, что куда в конце концов приведет след, там и будет находиться преступник. При этом была предусмотрена возможность окончить гонение без поимки преступника в одном определенном случае – если «след заведет на большую дорогу или в пустую степь, где не будет никакого жилья» [1. С. 7–8]. Однако, в случае если следы приводили в ту или иную общину, то на нее ло-

жилаась обязанность оказать содействие розыску преступника. При этом перед общиной возникало три альтернативы. Во-первых, она могла «отсочить» от себя след, то есть указать, что следы уходят за территорию общины, и тогда преследователи должны были продолжать поиск в другом месте. Во-вторых, помочь найти преступника внутри своего общества и выдать его. И, в-третьих, община могла отказаться от поиска преступника по каким-либо причинам. Но в этом случае в соответствии с принципом круговой поруки она должна была выплатить «татбу и продажи» или «дикую виру» – различные виды штрафов, определявшиеся в зависимости от вида совершенного преступления [9]. Таким образом, в основе «гонения следа» лежал принцип круговой поруки, который заставлял жителей Киевской Руси внимательно относиться к соседям, чтобы не платить за их преступления уголовные штрафы.

Более сложной формой уголовного сыска являлся «свод». Данная форма сыска применялась в случаях совершения преступления против собственности, в частности, кражи. Для ее начала необходимо было обнаружение украденной вещи у лица, которое, в свою очередь, утверждало о законности приобретения данной вещи. Это могла быть покупка у третьих лиц, выигрыш, обмен и так далее. В данном случае Русская Правда, признавая возможность подобной ситуации (законного приобретения вещи у третьего лица), предписывала не выдавать тот час же данную вещь ее первоначальному владельцу, однако требовала от обвиняемого лица доказать свою невиновность путем фактического сведения потерпевшего от кражи лица с тем, у кого обвиняемый, по его словам, приобрел данную вещь. Если же и третье лицо обоснованно утверждало, что обнаруженное у него имущество было приобретено законным путем, «свод» продолжался уже всеми заинтересованными лицами. И так до тех пор, пока он не выводил на того, кто не мог доказать, что разыскиваемое имущество попало к нему на законных основаниях. Тогда этот человек признавался вором и обязан

был возместить ущерб и уплатить штраф «за обиду» [1. С. 11]. Таким образом, «свод» представлял из себя инициативный розыск потерпевшим вероятного преступника путем организации очной ставки.

Говоря о субъектах подобных форм древнерусского сыска, можем отметить, что основными в данном случае все еще оставались потерпевшие. Именно они организовывали и «гонение по следу», и «свод». Государство в данном случае самоустранялось до выяснения всех обстоятельств дела, «возвращаясь» лишь к моменту установления истины для назначения наказания. При этом начинают появляться лица, специально занимавшиеся той или иной формой розыска. В частности, в каждой общине было по несколько лиц, профессионально умевших организовывать «гонение по следу» [3. С. 43]. К ним чаще всего обращались потерпевшие от преступления, которые были не в состоянии самостоятельно реализовать данную форму сыска.

Однако сказанное относилось только к тем преступлениям, если выражаться современным языком, частного-искового характера. Они несли опасность только конкретному лицу или группе лиц, связанных, как правило, родоплеменными отношениями (семья, община). Однако в случае, если преступления посягали на такие объекты, как княжеская власть, благополучие привилегированного слоя населения, государственные интересы, то государство, помимо роли арбитра, активно брало на себя и функции по розыску и установлению преступника. В данном случае непосредственными субъектами розыска могли выступать сам князь, члены его дружины, наместник, тысяцкий и другие. Одним из примеров такого розыска может служить летописный рассказ, датированный 1071 г., повествующий об осуществлении воеводой Яном Вышатичем по княжескому повелению розыска и расследования дела белозерских волхвов-смердов, повинных в ритуальных убийствах женщин [10. С. 15].

Существенные изменения уголовный сыск приобрел после объединения русских земель во главе с московскими

князьями. При этом важно отметить, что объединений русских земель и закрепление центра в Москве осуществлялось не только посредством оружия и военных столкновений, но и посредством нормотворчества. Большим шагом в данном направлении стало издание в 1497 году Судебника Ивана III. Судебник возложил обязанность по борьбе с преступностью как на служилое, так и податное (черное) население княжества, поскольку его представители занимали должности в системе органов местного управления (например, целовальники) [10. С. 77]. Судебник не детализировал процесс розыска по делам о лихих людях (преступниках), а лишь устанавливал его в общей форме. Законом вводилось, условно говоря, общественное розыскное начало. Его суть заключалась в том, что наряду с представителями княжеской администрации, в качестве которых могли выступать наместники и волостели, избобличать лихих людей обязано было население. Для этого достаточно было пяти-шести свидетелей, чьи показания подкреплялись по указанию Великого князя крестным целованием. В соответствии с нормами Судебника производство розыска наиболее опасных для общества преступников, осуществляемого представителями княжеской администрации, дополнялось розыском, проводимым судебными органами, которые с целью выявления соучастников преступления при наличии достаточных оснований могли применять пытку не только к преступнику, но и к лицам, им оговоренным. При отсутствии таковых в их отношении производился «повальный обыск», под которым следовало понимать широкий опрос большой группы соседей оговоренного для установления его репутации и возможности причастности к преступлению [6]. При всех нововведениях сохранялась и достаточно архаичная форма частного обвинения с присущим ей инициативным розыском. Данная форма была свойственна исключительно делам, если выразиться современным языком, небольшой тяжести, не требовавшим особых усилий для своего раскрытия.

Иван Грозный внес существенные из-

менения во всю систему государственного управления, в том числе и в правоохранительную его часть. Была создана система приказов – органов исполнительной власти, осуществлявших реализацию государственной политики в одном, отдельно взятом направлении или группе однородных направлений деятельности. Отныне розыскные функции стал осуществлять Разбойный приказ. Следует отметить, что это, по сути, был первый орган государственной власти, на который возлагалась правоохранительная функция, составной частью которой также являлся и уголовный сыск в отношении лиц, совершивших преступные деяния.

Деятельность Разбойного приказа осуществлялась в соответствии с Уставной грамотой, разработанной в период времени с 1555 по 1556 года [7. С. 34]. Ей же руководствовались и бояре, вершившие суд. В случае, если дело приобретало сложный для разрешения характер, бояре обращались в высшие органы государственной власти – боярскую думу или к самому царю. Если широко оценивать компетенцию Разбойного приказа, то ее можно определить как борьба с общеуголовной преступностью (грабежи, разбои, убийства и так далее). Данная сфера конкретизировалась через целый ряд определенных элементов, одним из которых выступал и уголовный сыск, где активно применялись пытки. В этих целях Разбойный приказ имел пыточную. За кремлевской стеной у Константиновской башни находился «застенок», где проводились допросы с пристрастием и пытки [9]. Имелись тюремные дворы для задержанных преступников и подозреваемых, которых охраняли тюремные сторожа. В «черной палате» на 16 квадратных метрах содержалось до 40–50 подсудимых и осужденных. Особо опасных преступников держали за решеткой [10. С. 21].

Несмотря на централизацию государственной власти вокруг Москвы, создание единых централизованных органов государственной власти, уголовный сыск в это время имел все еще некоторую степень децентрализации. При этом децентрализация носила не только естественный,

территориальный характер, но и менее логичные и объяснимые виды разделения полномочий. Так, в частности, из ведения Разбойного приказа был изъят уголовный сыск в Москве. Изъятие произошло в пользу Земского приказа, который осуществлял функции сыска исключительно на заданной территории. В результате создали ситуацию, при которой в двух одноуровневых ведомствах различного характера происходила разноуровневая реализация единых полномочий. Более логичным видится выделение полномочий по уголовному сыску по политическим делам. Данное направление деятельности реализовывал Тайный приказ. Представляется, что это был аналог современной Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Отметим, что общеуголовные преступления также могли стать предметом его внимания, но только в случае исключительного положения лиц, в отношении которых совершались общеуголовные преступления (например, убийство или грабеж князя, боярина).

Основными должностными лицами, осуществлявшими уголовный сыск на местах, являлись губные старосты. Ему помогали целовальники, губные дьяки и тюремные сторожа. На губных старост возлагалась обязанность разыскивать татей и разбойников («чтобы они про татей и разбойников сыскивали»), следить, чтобы «однолично нигде татей и разбойников из разбойничьих станов и приездов не было»; судить ведомых лихих людей и казнить их смертью или налагать другие наказания, по мере их вины, без доклада [7. С. 37]. В целях выявления «лихих людей» губные старосты имели право удостовериться в личности всех перешедших из другой губы – иной административной единицы, то есть прибывших на постоянное или временное жительство. Обычно губной староста по принятии в Разбойном приказе присяги и получении от него наказа приказывал собраться со всего своего округа представителям всех слоев населения и «чинил им допрос»: кто у них в селах и деревнях «лихие люди» – тати и разбойники, к кому они приезжают и «разбойную рухлядь привозят» и от кого

«на разбой ездят и кому разбойную рухлядь продают» [8]. Если обысканные указывали на «лихих людей», то губной староста должен был расспросить их. Оговоренный немедленно задерживался, имущество его переписывалось, опечатывалось и отдавалось на хранение до решения дела. То есть, иными словами, губные старосты в данном случае проводили такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос, наведение справок, а также производили оперативную установку и занимались личным сыском и оперативным поиском.

Таким образом, можем сказать, что уголовный сыск как процесс начался практически одновременно с развитием Древнерусского государства. Однако более или менее административно-правовой характер данный процесс приобрел только в период централизации российского государства вокруг Москвы, а если выражаться более точно – при Иване IV Грозном. При этом необходимость осуществления уголовного сыска имела место быть гораздо раньше. Причиной же подобной ситуацией стал лейтмотив, под влиянием которого происходило развитие правоохранительной системы в целом и уголовного сыска в частности. Он заключался в отсутствии понимания у государства того факта, что преступление может угрожать кому-то еще, помимо лица, в отношении которого оно было совершено. То есть, происходила персонификация опасности от преступления. Общественной опасности во множестве преступлений государство не видело, заменяя ее индивидуальной. Соответственно, задача по сыску – это персональная задача того, кому была нанесена «обида». Государство же выступало лишь как арбитр, вступавший в правоохранительный процесс только после установления лица, совершившего преступления для назначения ему соответствующего наказания.

Дальнейшее развитие сыска неотъемлемо будет связано и с развитием государства, испытывая на себе все те изменения и катаклизмы, которые выпадут на долю России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жаров С.Н.* Об особенностях уголовного сыска в Древней Руси // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 8. С. 7–8.

2. История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 1998. С. 33.

3. История полиции дореволюционной России / под ред. В.М. Курицина и др. М., 1981.

4. История полиции России / под ред. В.М. Курицина. М., 1998;

5. История сыска в России: В 2 кн. / авт.-сост. П.А. Кошель. Кн. 2. М., 1996.

6. *Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И.* Розыск, дознание, следствие. Л., 1984. С. 44.

7. *Макеев В.В., Максимов П.В.* Рас-

следование преступлений в традиции русского уголовного процесса (XI первая половина XIX вв.). Ростов н/Д, 2015. С. 34.

8. *Мулукаев Р.С.* Система органов внутренних дел дореволюционной России. 2-е изд., доп. М., 2013. С. 55.

9. *Полубинский В.И.* Сыск на Руси // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 165.

10. *Сичинский Е.П.* Уголовный сыск России в X – начале XX вв. Челябинск, 2012. С. 8.

11. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 2015. С. 625.